

УДК 37.03; 37.06; 159.99

НА ВОПРОСЫ ЖИЗНИ ОТВЕЧАЕТ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ПИРОГОВ — ВЕЛИКИЙ ХИРУРГ И ВЛАСТИТЕЛЬ ДУШ РУССКИХ ПЕДАГОГОВ

Соловьёва Наталья Викторовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); просп. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606; e-mail: solov.52@mail.ru

РЕЗЮМЕ

Приоритет воспитания и образования молодого поколения — давняя традиция российского общества. Успешный пример тому — жизнь и профессиональная карьера Николая Ивановича Пирогова (1810–1881), который постоянно задавал себе жизненные вопросы и отвечал на них. Многие затронутые им проблемы и сегодня актуальны. Акмеологические факторы и условия, предопределившие состоятельность учёного, — это семья, учителя, образовательная среда, в том числе академическая, и многое другое.

Гений русской науки дал нам ответы на вопросы — какими должны быть средства обучения, какой тип поведения детерминирован состоянием общественного сознания. Николай Иванович даёт рекомендации преподавателям, учёным, студентам об организации университетской жизни, высказывает суждения о роли женщин в судьбах мира. Наконец, о том, что является итогом жизни, что остаётся людям.

Ключевые слова: средства обучения, эстетика жизни, средообразование в жизни учёного.

«Вопросы жизни» — вечевой колокол для поднятия самого важного вопроса — о воспитании.

А. Филонов

В истории педагогической мысли России есть три столпа, по своему величию достойные друг друга, — Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой. «Н.И. Пирогов первый у нас взглянул на дело воспитания с философской точки зрения и увидел в нём не вопрос школьной дисциплины, дидактики или правил физического воспитания, но глубочайший вопрос человеческого духа — „вопрос жизни“, и действительно, это не только вопрос жизни, но величайший вопрос человеческого духа», — утверждал К.Д. Ушинский [2, с. 273].

Предлагая читателям акмеологического журнала статью о великом хирурге, автор надеется, что у них не возникнет сомнения в том, что речь идёт о личности учёного с высшими устремлениями, достигшего суперпрофессионализма благодаря сложившемуся сочетанию внешних и внутренних условий и факторов, а также движению к достижению поставленных целей в последовательности усложняющихся сред.

Его жизнь проходила во множестве сред, в том числе создаваемых им как учёным, врачом, педагогом, и каждую он описал, сделал более или менее удачную попытку преобразования. Обращаясь к современникам с предложениями улучшения жизни, он во многих вопросах может помочь и нам, отвечая на вопросы взрослых — родителей, учителей, учёных и студентов.

Ответы на вопросы жизни — работа и итог всей жизни учёного. В середине карьеры им написана мировоззренческая статья «Вопросы жизни» (1856), всколыхнувшая российскую интеллигенцию; в конце жизни создано произведение интегративного философского характера «Вопросы жизни. Дневник старого врача» (1879).

Жизнь учёного началась в Москве, в многодетной семье казначейского чиновника Военного ведомства. Отличительными чертами отца были безукоризненная честность и деловитость; матери — ровное спокойно-любтивное отношение к детям («семейный уют, заботливость о детях, нежное отношение к ним доведены были в семье Пироговых до своеобразной эстетичности» [3, с. 6]. Воспитанию и образованию детей было подчинено всё — Николай учился в лучшей московской гимназии, но трагическое событие могло помешать карьере самого одарённого, и это понимали мать, ближайшее окружение учителей. Семья сплотилась в едином порыве энергии и работоспособности в год смерти отца, и 14-летний Николай смог продолжить обучение на медицинском факультете Московского университета.

При чтении его произведений (даже самых ранних) создаётся впечатление, что в течение всей со-

знательной жизни он оценивал и прежде всего себя в той среде, к которой принадлежал в данный момент (особенно на этапе зрелого среднего образования). Например, понимая значимость родителей для становления человека, Николай Иванович предлагает родителям не спешить с прикладной реальностью, дать созреть и окрепнуть внутреннему человеку; наружный успеет ещё действовать; он, выходя позже, но управляемый внутренним, будет не так ловок, не так сговорчиво-уклончив, но зато на него можно будет положиться, так как он не за своё не возьмётся. Художественно и тонко описывая наблюдаемую им молодёжь, её разочарование, он предъясняет счёт «тем, кто пустили вас в бушующий разгул — на своеволие мира» [3].

Смелыми высказываниями Пирогов критиковал представителей выделенных им групп и их понимание (или непонимание) смысла собственной жизни по высказываемым взглядам (в этой статье не представляется возможным привести полные описания поведения, сделанные учёным, но он точно знает различия в философии их жизни):

- неразмывляющий;
- высокий, размысляющий;
- старообрядческий;
- практический;
- практический с соблюдением приличий;
- очень печальный;
- очень весёлый;
- очень благоразумный.

Приводя их здесь, мы хотим, во-первых, продемонстрировать, что учёный, приступая к преобразованиям, исходно изучает и классифицирует контингенты. Во-вторых, мы желаем заинтересовать молодых психологов поиском аналогий и описанием профессиональным языком, оценкой актуальности выделенных типов для современного общества. Возможно, наши великие соотечественники уже подумали и дали ответ на этот вопрос жизни?

Называя свои размышления «Вопросы жизни» и «Вопросы жизни. Дневник старого врача», автор принимал на себя высокую ответственность влиять на чувства и умы, предполагая, что к его мнению прислушаются все — от школьного учителя и родителей до придворных либеральных кругов. Его авторитет в обществе был столь высок, что о поднятых им проблемах заговорили, его мысли приняла как заветы племени русских педагогов, среди них П. Ф. Каптерев, А. Н. Острогорский. Его влияние предопределялось тем, что в личности Н. И. Пирогова, ставшего достоянием России, возникли особые качества, и на их формирование оказало влияние сочетание внешних и внутренних факторов. Такие качества, как ловкость, смелость, храбрость, важны для военных; ответственность, достоинство — для врача; самокритика, прямота и откровенность — для учёного; наблюдательность, понимание молодёжи, участливое покровительство — важны для педагога.

Ближняя среда явилась монолитом выработанных и осуществляемых действий: ласка и внимание со стороны взрослых в красивой обстановке дома не переходили в попустительство и потакание слабостям детей. Как сказал бы современный психолог, проводи-

лась гимнастика чувств — уроки, требовавшие большой сдержанности в проявлении непосредственных настроений. Николай Иванович вспоминал кроткие, но настойчивые, систематические уроки няни, ласково одобрявшей одни виды поведения и осуждавшей другие; и пощечину, полученную от матери за самоуправство, выразившееся в том, что на её глазах ударил в щёку какого-то мальчика [3].

Важен вопрос о выборе учебников и книг для чтения. Для учившихся читать в 1815–1817 годах общество приготовило подарок, своего рода социально-педагогический феномен: азбука, составленная из карикатур на французов во время бегства из Москвы (по этой же азбуке учился А. И. Герцен, запечатлевший пожар Москвы как одно из первых воспоминаний). Например, для буквы «Б» картинка изображала Наполеона с маршалом Даву, скачущего в санях, с Понятовским на запятках, и двустышие-пояснение:

*Беда, гони скорей с грабителем московским,
Чтоб в сети не попасть с Даву и Понятовским.*

Подобные двустышия явились удачным опытом развития в ребёнке любви к славе Отечества. Его благородный патриотизм проявился в Севастопольских письмах: «Я люблю Россию, люблю честь Родины, а не чины — это врождённое, его из сердца не вырвешь и не переделаешь, а когда видишь, <...> как мало делается для Отчизны, и собственно из одной любви к ней и её чести — так поневоле хочешь лучше уйти от зла, чтобы не быть, по крайней мере, бездейственным его свидетелем» [8, с. 132].

Вопрос о ближайшем окружении ребёнка можно решать, изучая мемуарную и библиографическую литературу: в становлении учёного значимым оказался пример отца — безукоризненно честного, деловитого человека, несущего эстетику жизни, и матери — бережливой, поддерживающей охоту к занятиям, эстетику чувств в семье.

К небольшому кругу влияния знакомых семьи принадлежал Г. М. Берёзкин, лекарь Московского воспитательного дома. Он возбудил интерес мальчика, с одной стороны, к великим делам рассказами о Петре Первом, а с другой — к лекарственным растениям, подарив сборник растительных веществ, употребляемых в медицине, на латыни. Г. М. Берёзкин поощрял мальчика: «Ну, смотри, брат, из тебя выйдет, пожалуй, большой человек; ты умник, вон не тому <...> чета». И уже к 14 годам, времени поступления на медицинский факультет, Пирогов знал множество названий и терминов из медицинского лексикона, что впоследствии ему очень пригодилось. К медицине склоняли и посещения А. М. Клауса, известного в Москве оспопрививателя, который заинтересовал своего подопечного микроскопом.

И ещё одна редкая встреча детства. В распоряжении Николая оказалась классическая книга «Зрелища Вселенной на латинском, русском и немецком языках» — детская энциклопедия, составленная гениальным чешским педагогом Я. А. Коменским. Она положила начало развитию глубокой наблюдательно-

сти будущего учёного, анатома и хирурга. Энциклопедический характер произведения возбудил разнообразие интересов, которыми отличался Пирогов в своей жизни. Мало кто из вступающих в мир чтения делает первые шаги, руководствуясь книгой великого дидакта, а затем читает журнал Н. М. Карамзина «Детское чтение для сердца и ума».

Вопрос о влиянии раннего опыта и игр Пирогов обсуждает на собственном примере. Его домашние учителя-студенты допустили пробел в образовании, о котором Николай Иванович сожалеет в «Дневнике старого врача»: «Культурой моей внимательности никто и не думал заниматься <...> следствием этого пробела было <...> то, что я, любознательный и склонный к труду, во многом остался невеждою и не приобрёл, когда мог, тех знаний, которые мне впоследствии были крайне необходимы» [6, с. 137].

Завесу призвания, по мнению Н. И. Пирогова, приподнимают детские игры, а он среди юных забав предпочитал войну и лечение мнимых больных. Постоянно в трудах учёного сквозит благодарность женщинам, прежде всего матерям: «Ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать первые слова и первые молитвы, женщины становятся главными зодчими общества: краеугольный камень кладётся их руками» [1, с. 286], а также медицинским сёстрам за их самоотверженный труд на фронте.

Академическая среда произвела на юного студента неоднозначное впечатление. Он отмечал сильное влияние немецкой культуры («немецкая университетская среда „пересажена в Россию“, но была сразу же встроена в реальность местных политических и общественных отношений <...>, что трансформировало систему в целом» [4, с. 199]).

Кроме того, его беспокоил кадровый голод. В 1863 году Н. И. Пирогов дал следующую оценку этому явлению: «Единственное место для образования профессоров в России составляет почти исключительно университет, и то для многих наук пополнила с грехом; а посылать за границу коллегии часто не имеют ни прав, ни средств. С другой стороны, охранительные корпоративные меры заслоняли к ним подход. Мудрено ли после этого, что им грозит дефицит. При таких условиях, если бы каждый из членов, совершенно отречьшись от эгоизма и забыв его правило „arges nous le deluge“¹, стал всеми силами заботиться о замещении своего места молодым учёным, то и тогда бы это дело было не лёгкое» [7, с. 42].

По словам А. Ю. Андреева, отмечавшего отсутствие степени доктора у многих молодых профессоров в 1810–1820 годах, «императив научного исследования не приживался в университете, а учёная карьера соответственно происходила по принципу „выслуги лет“» [1, с. 466].

Н. И. Пирогов, ещё будучи студентом, задумывался о формировании нового типа науки. Его идеи актуальны в контексте сочетания исследовательских и ценностных подходов в науке, в которой исследо-

вательские подходы не были бы отсоединены от своих социально-этических оснований, а результаты исследования и сами их направления всё-таки получали, как мы говорим сейчас, человеческое измерение.

Существовала и особая студенческая среда (старшекурсники, жившие в десятом номере), в которую, по рекомендации студента-медика Феоктистова, попал совсем юный Пирогов. Обстановка ошеломила и резко повлияла на мировоззрение, исходно патриархальную мораль будущего учёного. Выбор наставников происходил в дискуссиях; здесь, в десятом номере, Пирогов приобрёл прекраснейший гербарий медицинских растений (его склонность сместилась в направлении изучения ботаники, но не нашлось достойного руководителя). В 18 лет Николай Иванович окончил университет, охарактеризовав свою подготовку как «университетское образование со званием лекаря с чисто книжными, вернее говоря, даже только с знанием нередко странным и сумбурным».

Вслед за средой десятого номера (уважаемые педагоги, постараемся знать, как и чем насыщена среда проживания наших студентов) патриархальные взгляды Николая Ивановича корректирует атмосфера исключительной культурности немецкой профессорской семьи И. Ф. Мойера. Здесь молодой учёный знакомится с В. А. Жуковским, Н. М. Языковым, В. А. Сологубом, В. И. Далем и другими представителями великой русской культуры.

Склонность к настойчивой системной работе позволила молодому учёному в 23 года выдержать экзамен на степень доктора медицины и блестяще защитить докторскую диссертацию по хирургии, а после двухлетней стажировки в Германии занять кафедру хирургии в Дерптском университете. Природный русский учёный Пирогов был избран на кафедру хирургии немецкими профессорами в немецком университете (преподавал на немецком языке, преодолевая порой скрытое, порой откровенно неприязненное отношение со стороны немецкого студенчества, которому профессор казался ровесником) [3, с. 21].

Важным вопросом жизни Николай Иванович считал семью. С одной стороны, только благодаря родительской семье он получил образование; с другой стороны, когда строил свою собственную семейную жизнь и семейный быт, подчинил их своим профессионально-общественным обязанностям. Возможно, это и есть то, что мы называем личностно-профессиональной отдачей и результатом становления как учёного. С этого времени его жизнь — это постоянный труд в любых условиях, в том числе в сыром бараке, переполненном трупами, в условиях тяжёлых боёв и полевых госпиталей.

Главный вопрос жизни каждого человека — что остаётся людям? Для учёного — это прежде всего его открытия и изобретения, и в этом Пирогову почти нет равных. Он первым применил эфир как обезболивающее средство. Его методологическая зоркость проявилась в попытке создания анатомических атласов человека посредством распила замороженных трупов. Своим признанием в научном мире Николай Иванович гордился, не скрывая удовлетворения в письмах кол-

¹ После нас хоть потоп (фр.).

легам. Этот труд обессмертил имя Пирогова и вместе с тем доказал, что русская медицинская наука имеет право на уважение всего образованного мира [3, с. 25].

Он оставил значительное педагогическое наследие, поставил «университетский вопрос», зная изнутри среду высшей школы. Внимательный анализ его произведений позволяет выявить педагогическую систему, в основе которой — научное образование. «Если школе удастся сделать учеников восприимчивыми к науке, дать им сознательное научное направление, поселить в них любовь к самостоятельным занятиям наукой, то больше ничего и требовать нельзя!» [3, с. 108]. Его труды пронизывает идея о могущественном нравственно-воспитательном влиянии науки; сущность же образования в том, чтобы все дарованные человеку способности, все благородные и высокие стремления находили в школе средства к бесконечному и всестороннему развитию [7]. А лучший метод для культуры самостоятельности мысли — сократический метод преподавания. К сожалению, учителя и преподаватели вузов того времени были к нему мало готовы.

Важный вопрос — личность воспитателя, часто развивающего духовную близорукость по причине ограниченности методов (лишь наглядность и обучение словом). Пирогову же было важно сформировать критическое мышление как единственное и неоценимое средство проникновения вглубь явлений. Для университетов задачи те же, но помимо дальнейшего развития самостоятельности студентов важно развить таланты. Или поняв это на примере собственного становления, или осознав, как чутко относились к нему родители и учителя, Н.И. Пирогов написал: «Талант не так несокрушим, как думают <...>. Его не нужно представлять себе гением или демиургом, одарённым страшной энергией воли <...>. Наоборот, талант неокрепший гораздо легче сбить с толку, чем посредственность. Не давая ему развиваться на свободе, его можно довести до того, что он будет казаться ниже посредственности» [6, с. 370].

Педагогический дар Пирогова проявился в ответе всей жизнью на вопрос «Как вести себя с молодёжью?» — на неё необходимо влиять, деликатно, ненавязчиво. «53-летний маститый учёный, которому на наших глазах европейские знаменитости оказывали все видимые знаки глубокого уважения, человек, поражающий глубокой эрудицией, философской глубиной мысли и феноменальной памятью, Пирогов был юноша, нам ровня в погоне за новым знанием. Горячо и с увлечением искал он его всюду, где только мог <...>. Юношескою горячностью к приобретению знания он просто заражал нас, а собственным способом ассимилировать знания не простым суммированием, а с помощью критической борьбы новых данных с тем, что имел право считать кровно своим, он учил нас учиться», — писал его ученик, ректор Казанского университета Н.О. Ковалевский.

Ученики, если они достойны учителя, тоже бессмертный дар людям. Среди учеников-продолжателей Н.И. Пирогова — Д.И. Писарев, Н.А. Добролюбов, Ф.Ф. Фортунатов, А.Н. Веселовский, А.А. Вериги, Н.И. Татищев, А.Б. Думашевский, Н.О. Ковалевский

и другие — целая плеяда исследователей общественного развития и естествоиспытателей.

ССЫЛКИ

- [1]. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
- [2]. Антология педагогической мысли России второй половины 19 — начала 20 века / Сост. П.А. Лебедев. М.: Педагогика, 1990. 608 с.
- [3]. Красовский А.А. Педагогические идеи Н.И. Пирогова. М.: Учпедгиз, 1949. 196 с.
- [4]. Кусберг Я. Трансфер и сравнение: университетские сообщества России и Германии // Сословие русских профессоров. М.: ИД Высшей школы экономики, 2013. С. 191–211.
- [5]. Острогорский А.М. Н.И. Пирогов и его педагогические заветы. СПб., 1914. 129 с.
- [6]. Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Соч., т. 1. Киев, 1910. 254 с.
- [7]. Пирогов Н.И. Университетский вопрос. СПб., 1863. 85 с.
- [8]. Севастопольские письма Н.И. Пирогова. СПб., 1907. 228 с.
- [9]. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вышленковой, И.М. Савельевой. М.: ИД Высшей школы экономики, 2013. 386 с.
- [10]. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1939. 415 с.

GREAT SURGEON NIKOLAY PIROGOV — LORD OF SOULS OF RUSSIAN TEACHERS — ANSWERS TO QUESTIONS OF LIFE

Nataliya V. Solovyova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of Acmeology and Professional Psychology, Faculty of Psychology of the Institute of Social Science, Russian Presidential Academy of National Economy and the Public Administration (RANEPA); Vernadsky Prospect, 84, Moscow, 119606, Russia; e-mail: solov.52@mail.ru.

ABSTRACT

A priority of the upbringing and education of the younger generation is tradition of Russian society. It is a successful example of life and professional career Nikolai Pirogov, who always asked himself the vital questions and answered them. Many of the issues are relevant today. Factors and conditions that predetermined his academic success are defined as acmeological (family, teachers and education, including academic environment, etc.).

Main questions - what should be the means of instructions, what type of behavior is determined by state of public consciousness. The genius of Russian science gives recommendations to teachers, scientists, students about the organization of university life, tells

about the role of women in the fate of the world. And finally, what is the result of life?

Key words: learning tools, aesthetics life, life of scientist.

REFERENCES

- [1]. *Andreev A. Ju.* Rossijskie universitety XVIII — pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy [Russian universities XVIII — early XIX century in the context of European history of the university]. Moscow, Znak, 2009. 640 p.
- [2]. Antologija pedagogičeskoj mysli Rossii vtoroj poloviny 19 — nachala 20 veka [Anthology of pedagogical thought of Russia of second half of the 19th — early 20th century]. Sost. P.A. Lebedev. Moscow, Pedagogika, 1990. 608 p.
- [3]. *Krasovskij A. A.* Pedagogičeskie idei N.I. Pirogova [Pedagogical ideas of N.I. Pirogov]. Moscow, Uchpedgiz, 1949. 196 p.
- [4]. *Kusberg Ja.* Transfer i sravnenie: universitetskie soobshhestva Rossii i Germanii. Soslovie russkih professorov [Transfer and comparison: the university community of Russia and Germany. The estate of Russian professors.]. Moscow, Izd. Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2013, pp.191–211.
- [5]. *Ostrogorskij A. M.* N.I. Pirogov i ego pedagogičeskie zavety [N.I. Pirogov and his pedagogical covenants]. Saint Petersburg, 1914. 129 p.
- [6]. *Pirogov N.I.* Voprosy zhizni [Questions of life]. Soch., t.1. Kiev, 1910. 254 p.
- [7]. *Pirogov N.I.* Universitetskij vopros [University issue]. Saint Petersburg, 1863. 85 p.
- [8]. Sevastopol'skie pis'ma N.I. Pirogova [Sevastopol's letters of N.I. Pirogov]. Saint Petersburg, 1907. 228 p.
- [9]. Soslovie russkih professorov. Sozdateli statusov i smyslov [The estate of Russian professors. The creators of the status and meanings]. Pod red. E. A. Vyshlenkovej, I.M. Savel'evoj. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2013. 386 p.
- [10]. *Ushinskij K. D.* Izbrannye pedagogičeskie sochinenija [Ushinsky K.D. Selected pedagogical works]. T.1. Moscow, Uchpedgiz, 1939. 415 p.